

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНГОЛИСТИКА: ВЕХИ РАЗВИТИЯ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2010 г. В.Э. Раднаев

В статье рассматриваются пути развития российской сравнительно-исторической монголистики во всех ее основных направлениях: фонологии, морфологии, синтаксисе, лексикологии монгольских языков.

The paper is concerned with the history of development of comparative Mongolian linguistics in its main directions: phonology, morphology, syntax and lexicology of Mongolian languages.

Монгольское языкознание входит в состав монголоведения, которое является комплексом гуманитарных и естественных наук о Монголии и монгольских народах, носит в целом страноведческий и историко-культурный характер. Монгольское языкознание развито в России, Германии, Англии, Венгрии, Франции, США, Японии и собственно в Монголии, а также в других странах. Родиной монголоведения по праву считается Россия. Здесь в XIX веке имелись два исследовательских центра, в Азиатском музее Петербургской АН и в Казанском университете, а в 1833 г. впервые в Европе и в мире была создана кафедра монгольского языка, которая ныне функционирует на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

Однако «начальный этап развития монголоведения в Европе относится к XVIII веку, когда французские миссионеры-синологи Ж.Б. Дюгальд, Ж. де Гинь, Ж. Майя и другие впервые ввели в научный оборот сведения некоторых китайских хроник и исторических сочинений о монголах» [1, с. 501, стлб. 1489]. Среди французских ученых были и филологи. П.А. Ремюза (*Rémusat P.A.*, 1788–1832), исследования которого не потеряли своего значения и в наше время, занимался грамматологией и историей письменности народов Центральной Азии. В Парижском королевском архиве он обнаружил два письма ильханов Аргуна (1289) и Ульдзэйтю (1305), адресованных французскому королю Филиппу IV, и ввел их в научный оборот, опубликовав факсимиле этих редчайших документов, которые сопроводил транскрипцией. Но он дал не совсем адекватный перевод текста [2, р. 335–449]. Впоследствии этими письмами занимались несколько поколений монголоведов, исправлявших и уточнявших переводы, сделанные предыдущими учеными. П.А. Ремюза,

открыв эти уникальные дипломатические документы персидских чингисидов, заслужил лавры первооткрывателя. Он также тщательно отрецензировал научный журнал «Сибирский вестник», издаваемый путешественником и ученым Г.И. Спасским [3, р. 595–602]. Перу П.А. Ремюза принадлежат «Исследования по языкам тартаров...». В них дается краткий очерк монгольского языка и его диалектов [4, р. 150–248], предлагается описание различных систем письма, бытовавших у согдийцев, древних уйгуров, ранних монголов и маньчжуров, получивших у них распространение через несториан, обитавших в Центральной Азии в древности и раннем средневековье. Однако в этой обширной работе собственно грамматика отсутствует: она представляет интерес лишь для тех, кто занимается грамматологией.

Задолго до П.А. Ремюза французский ученый Тевено (*Thevenot*) написал (в 1672 г.) очерк грамматики монгольского языка. Созданная шведским ученым Сталибрассом (*Stalibrass*) «Грамматика монгольского языка» осталась в рукописи [5, с. IV]. Вплоть до 30-х годов XIX в. востоковедение во Франции было самым авторитетным в Европе. Серьезными монголоведами считались иезуиты, подолгу жившие в Пекине и знавшие культуру народов Китая. Если в рукописях обнаруживалось что-то непонятное, Петербургская Академия наук срочно отправляла запрос в Париж. Учеником П.А. Ремюза был С. Жульен. Группа французских ориенталистов попросила проф. О.М. Ковалевского сделать составляемый им словарь трехязычным; так был издан «Монгольско-русско-французский словарь» [6].

Я.И. Шмидт (1779–1847) написал первую в России «Грамматику монгольского языка» на немецком языке (1831), которая по решению Акаде-

мии Наук была издана на русском языке (1832). В “Руководстве для изучения монгольского языка”, прочитанном им в Академии наук 17 марта 1830 г., он обосновал необходимость создания своего грамматического труда и подверг острой критике своих предшественников: З.Г. Байера, И. Иерига и других (см. [7, с. 95–97]). Действительно, многие монголисты того времени были самоучками, поэтому их работы не всегда соответствовали задачам и целям науки.

Я.И. Шмидт жаловался, что у самих монголов нет работ по грамматике их родного языка. Он писал: “Еще труд мой мог быть облегчен и тем, что если бы сами монголы имели систематические изыскания о своем языке, или утвердили оный на прочных грамматических началах. Но обо всем этом они не имеют и понятия... Есть сочинения по части языкоучения, но изложенные в них правила касаются исключительно правописания и правильного расположения письмен; а посему сочинения только в этом отношении и годны... Эти учебные книги не содержат в себе ничего похожего на грамматику, в том смысле, в каком мы ее принимаем. Хотя в них заметна некоторая идея грамматических форм в том, что они выставляют некоторые частицы, а наиболее окончания падежей; из нее нельзя даже извлечь понятия о склонении; собственно же частей речи и систематической классификации оных не находим и следа в этих книгах” [8, с. IV–V].

В предисловии к книге в русском переводе он особо отмечал, что составление “Грамматики монгольского языка” имеет актуальность геополитического, экономического и историко-культурного характера, поскольку касается связей со странами Востока [8, с. I–III].

В критической части пособия по грамматике монгольского языка обнаруживаем любопытный факт, касающийся классификации частей речи, известной автору по “Общей грамматике” или “Грамматике Пор-Рояль”. В извлечении из донесения самого Шмидта сказано: «В сем сочинении, представляющем первый опыт такого рода, – плод многолетних изысканий, я старался подвести формы монгольского языка под правила “Общей грамматики” и объяснить оные приличными примерами» [7, с. 99].

Что подразумевается под словосочетанием “общая грамматика”? Составитель лишь однажды указывает на столь важный источник своего труда, как “Всеобщая грамматика”.

Работая над “Грамматикой...”, Шмидт привлек ряд источников, в том числе и “Всеобщую рациональную грамматику”, которая была напи-

сана в 1660 г. аббатами монастыря Пор-Рояль, что близ Парижа, Антуаном Арно (1612–1694) и Клодом Лансло (1615–1693). Этот труд был создан на основе сопоставления грамматических систем разных языков: латинского, греческого, древнееврейского, французского, итальянского, испанского, английского и немецкого. Структура “Грамматики Пор-Рояль” такова: первая часть имеет 6 глав, в которых описаны звуки и буквы в изучаемых ими языках; вторая часть включает 24 главы, в которых освещены части речи и грамматические категории.

Теоретической базой “Всеобщей рациональной грамматики” (Пор-Рояль) был рационализм знаменитого французского философа Р. Декарта (1596–1650), согласно которому “категория языка является воплощением категорий мысли”. Грамматика должна опираться на логику и быть рациональной. Единство человеческой логики ведет к универсальности грамматики. Центральное звено грамматики Пор-Рояль – описание “операций рассудка” (представление, или понятие, суждение, умозаключение), при помощи которых человек воспринимает, анализирует и осмысляет окружающую действительность [9, с. 121–122]. Именно отсюда и позаимствовал Шмидт почти всю номенклатуру частей речи [10]. Однако в первой главе им изложены основы фонетики и правила произношения на основе “Jirüken-ü tolta” (“Колпачок сердца”), найденного им в тексте летописи “Эрдэннйн тобчи” (“Драгоценный свод”) Саган Сэцэн Ордосского.

Проф. Н.Н. Поппе [11, с. 147] указывал, что Шмидт в грамматике монгольского языка выделяет восемь частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, послеречие, наречие, союз. Впрочем, он считал, что вопрос о частях речи монгольского языка разработан им слабо. Действительно, автор монгольской грамматики, квалифицируя часть речи, выполняющую функцию предлога в русском языке, назвал ее послеречием, что было ошибочным и неточным и вызвало возражение грамматистов. А.К. Казем-Бек писал: “В тюркском языке совершенно нет предлогов, этот род слов, означающий отношение между предметами, тюрками полагается позади слова: поэтому мы называем послелогом (postposition) как новые послеречия и послепредложениями” [12, с. 356]. Впоследствии монголисты приняли этот термин, считая его более удачным.

При работе над грамматикой Шмидт больше опирался на примеры, которые, по его мнению, отражают точность грамматических правил. Он

умалчивает, какой книгой пользовался в своей работе (в то время в Европе было издано множество пособий, восходящих к сочинению аббатов из монастыря Пор-Рояль; в грамматиках Шмидта и Ковалевского есть параграф о супинах, тоже заимствованный из “Общей грамматики” [13, гл. XIX]). В грамматике Шмидта части речи в монгольском языке даны более компактно, нежели в “Общей грамматике” [13, ч. II], хотя он выделил те же, что канонизированы грамматиками немецкого языка и “Общей грамматикой...”.

Сопоставляя первые грамматики, Н.Н. Поппе [11, с. 148–149] получил следующую систему классификаций:

I. Классификация Шмидта и Ковалевского (1835) (а также измененная схема Шмидта, Александра Бобровникова [14] (1835) и схема Попова [15] (1847), повторившего схему Ковалевского).

1. Существительное; 2. Прилагательное; 3. Местоимение; 4. Числительное; 5. Глагол (Бобровников выделяет причастие); 6. Послеречие; 7. Наречие; 8. Союз; 9. Междометие.

II. Классификация Алексея Бобровникова (1849) (а также Котвича, повторившего ее в первой редакции (1902)).

1. Имя: Предметное, Качественное, Относительное, Числительное, Местоимение; 2. Глагол; 3. Частицы.

III. Классификация Руднева [5] (1905)

(соединение классификаций Алексея Бобровникова и Шмидта; почти полностью повторена Котвичем [16] во второй редакции)

1. Имя: Существительное, Прилагательное, Местоимение, Числительное; 2. Глагол; 3. Наречие (наречие, союз, предлог, послелог, междометие, частицы).

Из сопоставления указанных классификаций видно, что самостоятельность обнаруживают лишь Шмидт и Алексей Бобровников, ибо Ковалевский сохраняет схему Шмидта, добавляя лишь междометие. Попов целиком повторил схему Ковалевского; схему Алексея Бобровникова повторил Котвич, а Руднев заимствовал у Бобровникова деление на три основных части речи, но внутри имени дал те же деления, что и у Шмидта, объединив при этом под термином “наречие” все те части речи, которые Бобровниковым отнесены к частицам, а у Шмидта и Ковалевского составляют группы наречий, послеречий (т.е. послелогов), союзов и междометий [11, с. 149].

Таким образом, грамматика Шмидта, несмотря на существенные недостатки и неполноту, имела

большое значение для изучения монгольского языка. У него нашлось много подражателей. Так, Карло Пуини (Carlo Puini) составил по немецкому варианту краткий очерк основ грамматики монгольского языка. Леон Феер (Leon Feer) сделал на основе его книги конспект, по нему составил карманный грамматический справочник. Об этом свидетельствует Б. Лауфер [17, с. 2]. О пособии по калмыцкому языку пастора из Сарепты Г.Н. Цвика (1851) тот же ученый пишет: “Оно ничто иное, как стереотип с грамматики Шмидта с перенесением монгольской на калмыцкое письмо” [17, с. 3].

Русские священники пропагандировали среди калмыков христианство и нуждались в хороших пособиях по калмыцкому языку. Архимандрит Гавриил (в миру Любомудров) составил “Грамматику калмыцкого языка” (1847), попавшую в рукописи в руки о. Гурия (в миру А.И. Степанова) в 1910 г. О. Гурий так охарактеризовал это пособие: “Сама по себе грамматика калмыцкого языка ничто иное, как с некоторыми сокращениями переложение применительно к калмыцкому языку монгольской грамматики Шмидта” [18, с. 498]. Он сообщал, что эту рукопись и словари обнаружил в библиотеке Верхнетурского монастыря.

По сведениям о. Гурия, о. Гавриил – образованный человек, владевший греческим, еврейским, латинским и французским языками, “...был привлечен к участию в переводческих комиссиях по составлению религиозно-нравственных переводов на калмыцкий язык” [18, с. 496].

Венгерский ученый Й. Буденц (*J. Budenz*) написал грамматику монгольского языка, полагаясь на Шмидта (*J. Budenz*, 1890). Неизвестный составитель создал грамматический учебник по ордоскому наречию (M.G. Soulie, 1903), о котором весьма негативно отзывался А.Д. Руднев [5, с. V]: “...совершенно ненаучная работа, представляющая собою неудачную переделку Я.И. Шмидта”.

Н.Н. Поппе [19] и Г.Д. Санжеев [20] писали о достижениях и успехах отечественного монголоведного языкознания. Н.Н. Поппе в статье об итогах монгольской филологии отозвался так: “Достаточно указать на капитальные словари письменно-монгольского языка Осипа Ковалевского и К.Ф. Голстунского и словарь калмыцкого языка (вернее, языка ойратской письменности) А.М. Позднеева, которым в западноевропейской науке ничего не может быть противопоставлено”. Так же обстоит дело в отношении грамматик письменно-монгольского и ойратского письмен-

ного языков; упомянем лишь капитальный труд Алексея Бобровникова “Грамматика монгольско-калмыцкого языка” [21], университетские курсы грамматики письменно-монгольского языка А.Д. Руднева и Вл. Л. Котвича, а также замечательный для своего времени труд по грамматике калмыцкого языка А.П. Попова [15, с. 281]. Проф. Г.Д. Санжеев (1902–1982) вполне справедливо отмечал исторические заслуги Д. Банзарова: “Талантливые статьи безвременно погибшего бурятского ученого середины прошлого столетия Д. Банзарова разъясняли многие запутанные вопросы монгольской филологии” [20, с. 139]. Если в статье Н.Н. Поппе рассматриваются вопросы монгольской филологии за двадцать лет, то в работе Г.Д. Санжеева – почти за 35 лет.

В грамматиках прежних монголоведов часть “морфологии” называлась “этимологией”, и такое название, унаследованное от грамматик славянских языков XVII века, стало традиционным. Однако следует все же обратить внимание на историческую неоднозначность термина *этимология*. В учебнике Мелетия Смотрицкого “Грамматика славенская правильная синтагма...”, вышедшем в свет в 1619 г., слово *этимология* употребляется для обозначения одной из четырех частей грамматики (орфография, этимология, синтаксис, просодия).

В 1806 г., выходит в свет “Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...”. Составитель его, Н. Яновский, объясняет слово *этимология* так: “Часть грамматики, показывающая прямое происхождение, сложение, окончание слов и различные перемены, которые делаются либо при их склонении по известным падежам в единственном и множественном числах, либо при их спряжении по известным наклонениям, временам и лицам”.

Двузначность термина *этимология* (слово-происхождение и словоизменение) закрепляется в “Энциклопедическом словаре” (1890–1907) Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где *этимология* определяется как “грамматический термин, имеющий два значения. В терминологии школьной грамматики Э. называют отдел грамматики, вмещающий в себя главные фонетические правила и учение о словообразовании (главным образом о флексии: склонении и спряжении). В этом смысле Э. противопоставляется учению о предложении (простом и сложном) и его членах, называемому обыкновенно синтаксисом. В научном языкознании под именем Э. разумеется правильное, согласное с требованиями науки, определение происхождения слова и его родственных отноше-

ний к другим словам того же самого или других языков” [22, с. 8–9].

Что касается грамматик монгольского языка, то их авторы употребляли термин “этимология” вместо “морфологии” вплоть до 20-х годов XX века. Затем в монгольских грамматиках законное место получил термин “морфология”.

Русское востоковедение сформировалось в основном в первой половине XIX века, и это был начальный этап его целенаправленного развития. Первые лингвистические исследования по монгольскому языку основывались на достижениях европейского и русского языкознания. “Научные принципы старшего поколения компаративистов в своих общих чертах отразились и на характере первых востоковедных исследований”, что вполне справедливо отметил бурятский языковед Б.В. Матхеев [23, с. 51]. Европейские ориенталисты имели тесные связи с русскими востоковедами, в том числе с казанскими. Например, проф. О.М. Ковалевский, предшественник основателя сравнительно-исторической монголистики финского ученого Г. Рамстедта, переписывался со многими германскими и французскими учеными, которые в учебных целях пользовались трехязычным словарем и монгольской хрестоматией казанского монголиста. Научные связи между учеными европейских стран были хорошо налаженными. Финский лингвист А.М. Кастрен отправился с экспедицией в Сибирь и собрал там богатейший материал по языкам народов российских окраин. Он ныне признан одним из первых компаративистов. О.М. Ковалевский же был одним из первых инициаторов компаративистики, стоял у истоков современной алтаистики. В рецензии на “Граматику калмыцкого языка” проф. А.В. Попова [15] он писал, что “восточная филология приобрела в этой грамматике обильные материалы для дальнейшей обработки сравнительного языкоучения” [24, с. 118]. Рецензируя “Граматику монгольско-калмыцкого языка” А.А. Бобровникова, он заметил, что “у нас в последнее двадцатилетие семья монголо-тюрко-финских языков... приобрела усердных работников для своего поля деятельности...” [25, с. 161]. Рецензент приветствовал начинания грамматистов-монголистов, выражал уверенность в том, что труды этих языковедов “останутся не без пользы для сравнительной лингвистики и общей филологии” [25, с. 161].

В начале XIX века в казанской школе развивалась монгольская филология, преимущественно языкознание. Только в Казани были изданы три грамматики по монгольским языкам. В монголь-

ской филологии происходил процесс интенсивного накопления; осмыслились общие и частные закономерности развития лингвистики на фоне тюркских и финно-угорских языков. “В середине прошлого века, – писал академик Б.Я. Владимирцов, которого всегда волновали актуальные вопросы истории монголоведения и его современного состояния как развивающейся науки, – довольно много занимались отношениями монгольского языка к турецкому и вообще к языкам, так называемым финно-угорской, или порой туранской группы. Нельзя сказать, чтобы эти занятия достигли чего-либо большого, определенного, создали бы систему, тем не менее кое-что все-таки было сделано, и, таким образом, была подготовлена почва для работы над построением сравнительной грамматики алтайских языков, начавшимся уже в XX веке” [26, с. 192]. По глубокому убеждению профессора О.М. Ковалевского [27, с. II], “язык монголов, один из членов монголо-финского семейства, имеет притязания на известность по своей древности и служит средством сообщения для племен, разбросанных по разным владениям на огромном пространстве земли”. Разделявший принципы сравнительно-исторического метода, хотя этот метод только начал применяться в языкознании тех лет, О.М. Ковалевский написал труд “Сравнительная грамматика монголо-тюркских и финских языков” [28, с. 78], оставшийся в рукописи, которая до нас не дошла.

Известный лингвист А.А. Дарбеева [29] дает наиболее полную картину развития в монгольском языкознании сравнительно-исторического метода. Приведем некоторые ее характеристики: «Возникновение сравнительно-исторического монголоведения связано с именем Г. Рамстедта, который считается пионером компаративистики в области монгольского языкознания. Действительно, первый опыт сравнительно-исторического изучения фонетики монгольских языков представлен в работе Г. Рамстедта “Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора”, которая является переработанным и дополненным изданием его книги, вышедшей на немецком языке.

Г. Рамстедт, впервые в истории монголистики исследовавший халха-ургинский говор в историческом плане, полагал, что самым прочным основанием для исторического изучения всех языков, в том числе и монгольского, является исследование живых наречий и говоров, предлагая, “чтобы эта точка зрения была наконец усвоена всеми монголоведами”. Финский лингвист отметил крайнюю необходимость создания сравнительной фонетики в связи с тем, что современный разговорный

язык монголов существенно отличается от “старого письменного языка”, что “гласные неудаемых слогов современного монгольского языка (халхаского наречия и др.) настолько редуцированы по количеству и качеству, что их нелегко отличать даже фонетическим письмом”» (см. [30, с. 11] – В.Р.).

И далее: «Более полная и обстоятельная картина дана в работе Б.Я. Владимирцова “Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия...” (см. [31] – В.Р.). Это первый труд, в котором изложены фонетические системы современного халхаского “наречия” и того “монгольского диалекта”, для которого было создано монгольское письмо. Б.Я. Владимирцов указывал, что этот письменный язык, хотя он и отражает более “древнее наречие”, не является общемонгольским праязыком. Труд этот до сих пор остается настольной книгой монголистов, ибо в нем впервые в истории мирового монголоведения даны: а) классификация монгольских языков и их говоров, диалектов; б) периодизация истории развития монгольского письменного языка с указанием главнейших памятников, характеризующих хронологию изменения старописьменного монгольского языка в соответствии с выделенными периодами. Впервые в монголоведении были исследованы проблемы происхождения монгольских языков и их диалектов, существование различных видов письменности, вопросы контактов монгольских языков с иноструктурными языками.

Б.Я. Владимирцов рассматривает “монгольские языки в их отношении к алтайской семье языков и связь монгольских языков с другими языками с указанием фактов двуязычия русских, китайцев, тувинцев, теленгитов, киргизов, сартов, говоривших на одном из монгольских наречий, а также двуязычие самих монголоязычных народов, владевших преимущественно русским языком” [29, с. 4–6].

Изучая тексты разных памятников письменности, он их сопоставлял и идентифицировал; например, устанавливал трафареты в аналогичных текстах на пайцзах. Среди них была обнаружена пайцза Абдуллы, текст которой расшифровал Д. Банзаров [32, с. 125–139].

Другая значительная работа по сравнительной монголистике – книга Г.Д. Санжеева “Сравнительная грамматика монгольских языков” [33], где содержится «общий обзор монгольских языков и диалектов, краткий очерк фонетики с развернутым изложением истории аффрикаты *дж*, *дз*, *ч*, *ц* и явления перелома согласного *г*. В разделе

“Грамматический строй” достаточно подробно представлены система склонения имен, употребление падежей и послелогов» [29, с. 4–6].

Труд Санжеева был подвергнут целенаправленной и весьма острой критике бывшим его коллегой Н.Н. Поппе (1897–1991) [34, с. 85–87], позже ставшим американским ученым. После скоропостижной смерти академика Б.Я. Владимирцова (1931) Н.Н. Поппе, избранный чл.-корр. АН СССР, стал во главе монголоведения. Его конкурентами были Г.Д. Санжеев, И.Я. Златкин и Б.Х. Тодаева, кстати, ныне здравствующая.

Полемические отклики Н.Н. Поппе на грамматические труды Г.Д. Санжеева были сбалансированы доброжелательной критикой венгерского академика Л. Лигети [35, с. 133–140]. Рецензент не был согласен с мнением Г.Д. Санжеева по вопросу единства монгольского языка в XII–XIV вв. [35, с. 138–139], его подход к этой проблеме венгерский ученый считал гипотезой. Л. Лигети отмечал ряд спорных моментов в фонетических сдвигах древней монгольской речи, указанных Г.Д. Санжеевым. Он завершил рецензию словами: “В заключение отметим, что выводы автора основываются на богатом материале; это позволяет нам считать, что рецензируемая книга является значительным событием в монголистика” [35, с. 140].

Второй том “Сравнительной грамматики монгольских языков” [36] посвящен морфологии и синтаксису глагола. В нем “нашли отражение новые материалы по дунсянскому и баоаньскому языкам, а также новые исследования по другим письменно-литературным языкам и их диалектам” [29, с. 6]. Этот том удостоился одобрения и положительной оценки Н.Н. Поппе.

Из исследований по сравнительной грамматике монгольских языков следует отметить работы Н. Поппе [37] и М. Вайерса [38]. Книга Н. Поппе “Introduction to Mongolian comparative studies” состоит из “Введения” и разделов “Фонология” и “Морфология”. «Во Введении изложена краткая история сравнительного изучения халха-монгольского, бурятского, ойратского (калмыцкого) языков и диалектов языка Внутренней Монголии; показано изучение островных языков: могольского, шира-югурского, монгорского и дагурского; исследуется старописьменный монгольский язык преимущественно на материале “Сокровенного сказания монголов”. Данный труд составлен на основе материалов по указанным языкам, опубликованным с начала XX в. по 40-е годы XX в. Автор, классифицируя указанные выше монгольские языки, дает краткую фонетическую характеристику каждого из них. При анализе звукового

состава (раздел “Фонология”) автор исходит из архетипов древних гласных и согласных и прослеживает их фонетические рефлексы только в тех монгольских языках и диалектах, которые были описаны по 40-е годы XX в.» [29, с. 6].

Как писал известный бурятский лингвист И.Д. Бураев, «у Поппе достаточно много публикаций по алтайской компаративистике чисто теоретического характера. К примеру: “К консонантизму алтайских языков” (1924), “Система глухих смычных в алтайских языках” (1925), особенно последние крупные монографии “Введение в сравнительную монголистику” (1987, на англ. яз.), “Сравнительная грамматика алтайских языков” (1960, на нем. яз.) и др.

В этих работах Поппе производит реконструкцию системы согласных звуков алтайского праязыка, предварительно подвергая каждую единицу (звук, фонема, аллофон) тщательной сравнительной и исторической процедуре. Например, развивая открытия и гипотезы основателей сравнительно-исторической алтаистики Рамstedта, Владимирцова, Н. Поппе уточнил положение о первичности *I* и производности от него *š*, связав свой вывод с данными чувашского языка. Обратим внимание на цитату из его “Сравнительной грамматики алтайских языков”: “Тюркский *š* соответствует не только монгольскому *I*, но и *I* в чувашском, тунгусо-маньчжурских языках и даже корейском. Таким образом, тюркскому *š* во всех других алтайских языках соответствует *I*. Следует при этом обратить внимание на то обстоятельство, что древнейшее заимствование в венгерском из дотюркского языка показывает *I*, так же как древнее заимствование в саяно-самоэдском тоже вместо спиранта *š* показывает *I*. К приведенным доказательствам в пользу первичности *I*, а не *š* следует добавить, что спирант *š* встречается в тюркских в тех же самых позициях, что и *I*”.

Здесь имеется в виду субституция типа тюрк. *tas* ‘камень’, спмя *t’šul* (*aqun*) монг. *t’šul* (*uun*) бур. *šul* (*uun*) чув. *t’sul*.

Такой метод или исследовательская практика, построенная только на конкретных языковых фактах, характеризует стиль Поппе как компаративиста.

Уже после Рамstedта и Владимирцова произведена Н. Поппе значительная работа по восстановлению ряда праформ алтайского праязыка. Отсутствие древних письменных памятников было восполнено Поппе древнейшими заимствованиями из дотюркских заимствований в венгерском, марийском, пермяцком языках» [39, с. 222–223]. Здесь дается также высокая оценка компарати-

вистских работ Н.Н. Поппе, которые подняли монголистику нашего времени на новый высокий уровень развития.

Монгольский академик Д. Томортого [40, с. 521–529] в своем обзоре “Известный монголист Николай Поппе” (1997) отмечает, что ученый внес огромный вклад в монгольскую филологию XX века и по праву считается одним из великих лингвистов современности. В Хух-хото (Внутренняя Монголия) стала издаваться “Энциклопедия по монголоведению” в 16-ти томах. Целый том [41] посвящен монгольской лингвистике и системе национальной письменности. В большой и обстоятельной проблемной статье научная деятельность Н.Н. Поппе охарактеризована всесторонне. Том хорошо иллюстрирован, причем в ряду портретов монголистов первым представлен Н.Н. Поппе.

Чл.-корр. РАН В.М. Алпатов опубликовал ряд историко-лингвистических статей о Поппе [42, с. 119–125], а также некролог, посвященный ученому [43]. Он раскрыл не только историко-филологическое значение наследия Н.Н. Поппе, но и непреходящую ценность его исследований, прежде всего, в алтаистике и монгольской лингвистике. Несомненно, его книга о Н.Н. Поппе [34] должна войти в фонд отечественной востоковедной мемуаристики.

По словам известного историка-монголиста, историка науки М.И. Гольмана, “...своими трудами и научно-педагогической деятельностью Н.Н. Поппе заслуженно завоевал широкое международное признание как корифей монголистики и алтаистики” [44, с. 42–43].

В работе М. Вайерса “Исследование по исторической грамматике доклассического письменного монгольского языка” (1969) [38] охарактеризованы фонетические и морфолого-синтаксические особенности монгольского языка в текстах XII–начала XVII вв. По словам А.А. Дарбеевой, «это – грамматика только доклассического монгольского языка, и в ней исследуются лишь отдельные явления фонетики и морфологии языка памятников. Работа состоит из Введения и кратких очерков по фонетике и морфологии. Во Введении даны классификация и краткое описание источников XIII, XIV, XVI и начала XVII вв. Описание памятника сопровождается указателем изданий и литературы, посвященной изучению этого памятника в разных аспектах, не только в лингвистическом.

Автор широко использует работы, изданные в разных странах (СССР, ФРГ, ГДР, Франция, Венгрия, Чехословакия, Япония, Китай, Монголия, Англия, США, Польша, Турция). Это очень цен-

ный справочный материал для компаративиста и историка языка. Когда Б.Я. Владимирцов издавал свои работы <...> многие памятники не были опубликованы. М. Вайерс показывает, что этот пробел в дальнейшем был во многом восполнен зарубежными монголоведами. В этой области работали ученые из разных стран: Л. Лигети, П. Аалто, С. Хаттори, Ф. Кливз, Э. Хениш, В. Хайссиг, Д. Кара, А. Рона-Таш, Ст. Калужинский, С. Мураяма, П. Пельо, Б.Я. Владимирцов и др.

В разделе “Краткий очерк фонетики” в основном прослеживаются отдельные изменения согласных в определенных комбинаторных условиях в тех или иных памятниках доклассического периода. Например, рассматриваются слабые звонкие заднеязычные смычные согласные в начале, середине и конце слова в различных фонетических условиях, т.е. в словах с передне- и заднерядными гласными. В таком же аспекте рассматриваются и сильные глухие смычные заднеязычные согласные, а также согласные *д*, *т* и фарингальный спирант *h* в начале слова» [29, с. 6–8].

В.М. Наделяев (1911–1985) создал целую плеяду фонетистов, отличающуюся от других фонологических школ. С его именем связан новосибирский центр монголоведов, откуда впоследствии вышли В.И. Рассадин, П.Ц. Биткеев, И.Д. Бураев и другие. В свою очередь, И.Д. Бураев создал бурятскую школу фонетистов, которая успешно функционировала в 80–90 годах прошлого века. Основные труды этих ученых охарактеризовала А.А. Дарбеева: «В работе И.Д. Бураева “Становление звукового строя бурятского языка” (см. [45] – В.Р.) впервые в монголоведении разработана проблема формирования звукового строя конкретного языка на основе комплексного подхода к решению вопросов причинно-следственной связи в эволюции звуков, изменении состава и системы фонем исследуемого языка. Автором выявлены внутренние и внешние факторы развития фонетической системы бурятского языка. Фонетические процессы, обусловленные внутривидовыми особенностями, рассматриваются на общем фоне алтаистики в целом с учетом лингвистической теории фонем. Динамика становления системы гласных и согласных бурятского языка показана на историческом фоне взаимодействия его с родственными и неродственными языками. По признанию И.Д. Бураева, фонетическое своеобразие бурятского языка, отличающее его от халха-монгольского и калмыцкого языков, обусловлено наличием эвенкийского субстрата в виде фарингального *h* и сохранением артикуляционной специфики эвенкийского языка. Монотонный, за-

медленный темп речи с качественной редукцией кратких непервослоговых гласных автор рассматривает как свойство эвенкийского наследия.

В книге П.Ц. Биткеева “Языки и письменные системы монгольских народов” (см. [46] – В.Р.) рассматриваются проблемы происхождения редукции и долготности, ударения, сингармонизма, модификации слогов, слов, морфем, частиц, графико-орфографических принципов монгольских письменных систем. В данном труде, основанном на экспериментальном изучении звукового состава калмыцкого языка, автор предлагает свое понимание некоторых дискуссионных проблем исторической фонологии монгольских языков. В частности, П.Ц. Биткеев, отвергая традиционно сложившиеся воззрения монголистов о происхождении долгих гласных от древнемонгольских долготных комплексов Г+ С + Г, а также о возможной роли “второстепенного ударения”, предлагает свою точку зрения. По мнению исследователя, проблема образования долгих гласных неразрывно связана с редукцией кратких гласных непервых слогов, т.е. с “неясными гласными”, которые являются самостоятельными фонемами в калмыцком языке (судя по ранее опубликованным трудам П.Ц. Биткеева). Автор предполагает, что “причиной образования долгих гласных фонем и неясных гласных в монгольских языках является редукция протяженности слов, обусловившая в свою очередь и редукцию слогов, морфем и фонем” (с. 170–171). Автор также отвергает традиционное суждение монголоведов о переломе гласного *i и его роли в исторической фонетике и фонологии монгольских языков» [29, с. 8, 16–17].

До выхода в свет монографий названных ученых была издана книга В.И. Рассадина “Очерки по исторической фонетике бурятского языка” [47], в которой изучены на большом фактическом материале вопросы исторической фонетики бурятского языка, анализируются причины возникновения отличий этого языка от остальных монгольских языков. В ней привлекается обширный сравнительный материал из монгольских и, шире, алтайских языков – древних и современных. Первые две главы работы содержат в основном сравнительный анализ фонем бурятских говоров в общемонгольском аспекте, в историческом же плане узловые вопросы бурятской фонетики рассмотрены в третьей главе. В ней изучены фонетические явления, связанные: 1) с историей развития гласного *i (опереднения гласных, палатализация согласных), 2) с ослаблением напряженности артикулирующих органов (ослабление артикуляции гласных и согласных). Автору удалось определить

место звукового строя последнего в общей системе фонетики и фонологий монгольских языков [29, с. 8].

В 1996 г. А.А. Дарбеева опубликовала свою итоговую монографию “Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика” [29]. Книга состоит из Введения, трех глав (“Вокализм”, “Консонантизм”, “Фонетические явления в монгольских языках”), Заключения, обширной библиографии. В работе прослеживается эволюция древнемонгольских гласных и согласных, исследуются также явления гармонии гласных и дистрибуция звуков в письменных и бесписьменных языках. Показано влияние контактов с иными языками на основе фонетической динамики изучаемых языков.

В 2004 г. вышли две монографии – Е.А. Кузьменкова и С.А. Крылова, представителей среднего и младшего поколения современной монголистики. Обе работы отмечены весьма положительными рецензиями И.А. Грунтова [48, с. 148–150; 49, с. 126–130].

Труд петербургского монголиста Е.А. Кузьменкова [50] посвящен синхронному описанию современного монгольского языка. Он состоит из четырех глав. В первой – дана общая характеристика монгольского языка на всех уровнях: синтаксиса, морфологии, морфофонологии и фонологии; вторая и третья главы описывают гласные и согласные фонемы; их признаки: сингармонизм и реализация этих фонем в речи и орфографии. В последней главе раскрывается строй слога и фонотактика. По словам самого Е.А. Кузьменкова [50, с. 4], его книгу “можно рассматривать как типологическую характеристику фонологической системы монгольского языка”.

В монографии московского монголиста С.А. Крылова [51] дан очерк основных положений “неоструктуралистской” модели монгольского языка. Книга состоит из Введения, пяти глав (“Место морфофонологии в монгольской грамматике”; “Морфофонологическая синтагматика”; “Типы морфем в современном халха-монгольском языке”; “Типы чередования в халха-монгольском языке”; “Неединственность интерпретации в морфофонологической типологии”), Заключения, приложений и библиографии.

С.А. Крылов, занимаясь в течение многих лет общей лингвистикой, добился поразительных успехов, внедрив “неоструктурализм” в монгольское языкознание. Правда, попытки такого рода были и до него: это монография бурятского лингвиста В.И. Золхоева [52], которую С.А. Крылов подверг достаточно суровой критике. По его мне-

нию, автор не учел "...многого в функциональной морфонологии, игнорировал другие концепции морфонологии" [51, с. 5].

В монографии самого С.А. Крылова обнаружены те закономерности халха-монгольского языка, которые были просто недоступны авторам, занимающимся традиционной монголистикой из-за ограниченности и узости парадигм частного языкознания. Все эти ценные качества его работы расширили грани монгольского языкознания, раскрыв в нем вновь обретенные потенциал и возможности уже на современном этапе.

Между тем преподаватель Бурятского университета Д.Б. Очирова издала книгу "Морфонология бурятского языка" [53], в которой рассматриваются фонемные структуры корневых и аффиксальных морфем, система гласных морфем, связанная с нормами чередования гласных по сингармоническим моделям, система согласных, связанная с нормами сочетаемости согласных на стыках форм, фонемная структура изобразительных слов. Хотя книга и объявлена научным изданием, монография С.А. Крылова не упомянута в ней ни разу.

Отметим также одну из западных работ по фонологии монгольских языков в сборнике Свантессона с соавторами "The phonology of Mongolian" [54], также удостоившейся рецензии И. Грунтова [49, с. 126–130]. Как отметил рецензент, в сборнике дан анализ фонетики монгольского языка на основе экспериментально-фонетических данных, определен сингармонизм по признаку фарингальность/лабиальность, рассмотрены типы редупликации, а также просодия монгольского языка.

Одним из первых лингвистов, кто вплотную занимался лексикой бурятского и монгольского языков, стал проф. Т.А. Бертагаев. Он защитил докторскую диссертацию по данной проблеме (1946), потом издал монографию "К исследованию лексики монгольских языков" [55] и обширный труд "Лексика современных литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков)" [56]. На большом фактическом материале здесь прослеживается развитие лексики языков народов, перешедших от феодально-родовой формации к новой (социалистической), анализируется роль заимствований и влияния русских слов на современные монгольские языки. При этом слово рассматривается не как произвольный знак, а как исторически сложившееся единство структурных элементов при ведущей роли семантики, единство, которое развивается по внутренним законам, опирающимся на ситуативные факторы, характерные для разных, но этнически родственных народов.

К сожалению, автор использовал лексическую базу только двух указанных языков, чем сильно сузил рамки исследования. Бесписьменные языки монгольских народов оказались вне поля зрения автора.

Бурятский диалектолог и лексикограф Ц.Б. Будаев издал монографию "Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении" [57], в которой рассмотрены вопросы формирования и развития лексики бурятских говоров на богатейшем сопоставительном материале. Автором использованы экспедиционные материалы Д.Г. Мессершмидта (1685–1735), Г.Ф. Миллера (1705–1783), П.С. Палласа (1741–1811), которые хранились в научных архивах Санкт-Петербурга. Ц.Б. Будаев создал новаторский труд по бурятской диалектологии, привлекая данные из монгольского и калмыцкого языков.

Многочисленные работы известного лингвиста В.И. Рассадина по лексике тюрко-монгольских языков получили ныне широкое международное признание. Это фундаментальные исследования по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности и проблеме генетического родства алтайских языков [58, 59]. На основе изучения лексики рассматриваемых языков им показано монгольское влияние в тюркской среде, обосновано монгольское происхождение части тюркской лексики, относящейся к эпохе Юаньской империи, а также в период широкой экспансии монголов.

Весьма интересен в этом отношении опыт создания сравнительного словаря "An etymological dictionary of Altaic languages" [60], составленного ныне покойным лингвистом С.А. Старостиным совместно с А.В. Дыбо и О.А. Мудраком. Это издание должно стать для монголистов ценным лексикографическим пособием и заслуживает специального рассмотрения.

В последние десятилетия было издано несколько серьезных исследований сравнительно-исторического характера по морфологии монгольских языков.

В монографии Ц.Б. Цыдендамбаева "Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении" [61] впервые в монголоведении специально исследуются категории имен и глаголов изучаемого языка. Наряду с постановкой и решением сложных вопросов развития именных и глагольных категорий, проводится их сравнительно-исторический анализ в ряде монгольских языков.

Монография С.М. Трофимовой "Именные части речи в монгольских языках" [62] посвящена

одному из спорных вопросов в монголоведении. В ней выдвинута новая концепция статуса, структуры, содержания и функционирования именных категорий. Исследование, которое опирается на теорию функциональной грамматики, не только уточняет наличие отдельных именных категорий, существующих в монгольских языках, но и дает новый материал для сравнительно-исторического изучения монгольских и урало-алтайских языков вообще.

Книга С.Л. Чарекова “Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими языками” [63] посвящена анализу производных форм и суффиксальному способу образования производных прилагательных. В таких прилагательных выделяются непродуктивные и омертвелые элементы, что может послужить основой для дальнейших исследований алтайских языков в сравнительно-историческом плане. Даны лексико-семантические характеристики производных прилагательных, а при анализе производных прилагательных изучалась семантика суффиксов и иных сфер их применения.

В другой его крупной монографии под названием “Эволюционная морфология. Часть 1. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках” [64] рассматриваются проблемы, связанные с историческими изменениями в семантике и функционировании словообразовательных и словоизменяющих суффиксов. Эволюционный подход к морфологии, разработанный на материале алтайских языков, позволяет по-новому осветить ряд спорных вопросов, связанных с полифункциональностью, полисемией агглютинативных морфем, с их взаимовлиянием в словоформе, а также с влиянием на формирование грамматических категорий. Предложенные здесь принципы исследования применимы к языкам всех типов с развитой морфологией. Автор нашел семантические изменения в словообразовании и словоизменении в изучаемых языках, указал закономерности в морфологии бурятского и эвенкийского языков.

К числу новейших исследований по сравнительной монголиктике относится ценный труд В.И. Рассадина “Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков” [65]. Его исследование носит обобщающий характер, базируется на последних достижениях бурятских, монгольских и калмыцких языковедов, тем самым указывая на новые горизонты в области морфологии и особенно словообразования как самостоятельного раздела грамматики.

Синтаксис монгольских языков является одним из сложных разделов грамматической теории

в монгольской филологии. Он изучался монголистами XIX и первой половины XX столетия слабо, служил предметом серьезных дискуссий и шумных споров.

Решение сложнейших вопросов синтаксиса монгольских языков оказалось по плечу лишь одному Т.А. Бертагаеву, автору подраздела синтаксиса сложного предложения в академической грамматике бурятского языка [66]. Ставший одним из ведущих синтаксистов своего времени, он создал обширный труд “Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение” [67]. Книга представляет собой первый опыт специального изучения простого предложения современного монгольского языка. Исследуя в сопоставительном аспекте некоторые характерные особенности предложения монгольских языков, автор приходит к заключению, что они являются результатом тех сдвигов, которые произошли на разных уровнях и ярусах всей системы языка в целом: просодических, морфологических и синтаксических. Для доказательства этого привлекаются данные древнемонгольского и бурятского языков.

Ряд синтаксических категорий языка рассматривается им в несколько ином разрезе, чем это принято в монголоведении (например, связь слов, типы предложений, определенно-личные предложения, сказуемые, сказуемостные частицы, значения исходного падежа субъекта, обращения, обороты и т.д.). В монографии по-новому освещается ряд общелингвистических положений, относящихся к предложению, к его членам и к принципам классификации членов предложения. Так, при классификации членов предложения автор опирается на категории собственно синтаксического уровня, вводя понятие обратимых и необратимых членов предложения.

Кроме прочего, Т.А. Бертагаев был хорошим наставником и создал свою школу лингвистов-монголистов, продолжающих дело своего учителя. Одним из его любимых и талантливых учеников является проф. Г.Ц. Пюрбеев, ныне глава монгольской филологии в России, оправдавший надежды своего учителя и осуществивший его планы уже на основе новейших достижений не только монголиктики и алтаистики, но и мировой лингвистики. Отметим сейчас лишь две его монографии, важных для монгольской филологии. Это “Типы сложных предложений в монгольских языках” [68] под редакцией Г.Д. Санжеева и “Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания” [69] под редакцией Э.Р. Тенишева.

Книга о типах сложных предложений в монгольских языках является новаторской работой в монголистике 80-х годов. Она содержит описание структуры сложного предложения в названных языках. Автором разработана оригинальная классификация всех структурно-семантических разновидностей сложного предложения, определены критерии дифференциации сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, установлены границы между придаточными предложениями и оборотами.

Во второй монографии на обширном и разнообразном материале старописьменных памятников и современных монгольских языков (литературных и бесписьменных) дается структурно-типологический анализ моделей словосочетаний в истории развития указанных языков. Устанавливаются факторы, определяющие характер дивергентных и конвергентных изменений в синтаксисе словосочетаний группы близкородственных языков.

Исследования Г.Ц. Пюрбеева по компаративистике, несомненно, являются основополагающими в области монгольского языкознания, плодом многолетней неустанной работы над решением этих проблем.

Отметим также, что проф. Г.Ц. Пюрбеев создал свою научную школу лингвистов-монголистов и что среди его учеников есть синтаксисты.

В Новосибирске центр синтаксистов создан Е.К. Скрибник. Ее ученики работают в Улан-Удэ и Элисте, успешно занимаясь предикативными конструкциями синтаксиса монгольских языков в России.

Заслуживает внимания “Сравнительная грамматика монгольских языков” (“Монгол хэлнуудийн харьшуулсан хэл зүй”) [70], составленная коллективом монгольских авторов (Б. Базылхан, П. Бямбасан, Ц. Баярсурэн, Х. Лувсанбалдан, Л. Болд, Г. Гантогтох, Б. Сумьябаатар, Ж. Надмид, Ж. Сэржээ). В книге рассматриваются вопросы сопоставительной фонетики и морфологии монгольских языков. В ней использованы материалы по всем монгольским языкам, включая бесписьменные.

Сейчас, когда издана задуманная чл-корр. РАН Э.Р. Тенишевым многотомная “Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков” – плод неустанной многолетней деятельности тюркологов, назрела необходимость создать также “Сравнительную грамматику монгольских языков”, для чего ныне существуют все предпосылки. Однако для осуществления данного проекта необходима его научно обоснованная концепция.

Таковы вкратце основные итоги развития современной сравнительно-исторической отечественной монголистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БСЭ. Изд. 3. Т. 16. М., 1974.
2. *Abel-Rémusat P.* Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols. Paris, 1824.
3. *Abel-Rémusat P.* Рец. на: Inscriptions Sibiriacae... // Journal des Savants. № X. Paris, 1822.
4. *Abel-Rémusat P.* Recherches sur les langues tartares ou mémoires sur differens points de la grammaire et de la Littérature des mandchous, des mongols, des ouigours et des tibetains. T. I. Paris, 1820.
5. *Руднев А.Д.* Лекции по грамматике монгольского письменного языка. СПб., 1905.
6. *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. В 3-х т. Т. 1–3. Казань, 1844–1849.
7. *Шмидт Я.И.* Руководство для изучения монгольского языка // Чтение имп. Академии наук в СПб. за 1829 и 1830 годы. СПб., 1831.
8. *Шмидт Я.И.* Грамматика монгольского языка / Пер. с нем. Свенске. СПб., 1832.
9. *Михалев А.Б.* Общее языкознание. История языкознания. М., 2005.
10. *Schmidt J.* Grammatik der Mongolischen Sprache. SPb., 1831.
11. *Понне Н.Н.* О частях речи в монгольском языке // Советское востоковедение. М.;Л., 1940.
12. *Казем-Бек А.К.* Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.
13. *Арно А., Лансло К.* Грамматика общая и рациональная (Пор-Рояль). Пер. с фр., комментарий и послесловие Н.Ю. Бокадоровой. Под общ. ред. и со вступит. ст. чл.-корр. РАН Ю.С. Степанова. М., 1990.
14. *Бобровников А.И.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1835.
15. *Попов А.В.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
16. *Котвич Л.В.* Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902.
17. *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Пер. с нем. В.А. Казакевича / Под ред. и с предисловием Б.Я. Владимирцова. Л., 1927.
18. *о. Гурий И.* Первые (дошедшие до нас) труды по исследованию калмыцкого языка. Казань, 1910.
19. *Понне Н.Н.* Итоги исследования монгольского языка и монгольской литературы в СССР за двадцать лет // Известия АН СССР. 1937. № 5.
20. *Санжеев Г.Д.* Монгольское языкознание в СССР // Lingua Posnaniensis. Lp. 4. Poznan, 1953.

21. *Бобровников А.А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
22. *Введенская Л.Л., Колесников К.П.* Этимология. СПб., 2004.
23. *Матхеев Б.В.* Доржи Банзаров и русское монголоведение первой половины XIX в. // Первый бурятский ученый (к 150-летию со дня рождения Д. Банзарова). Улан-Удэ, 1973.
24. *Ковалевский О.М.* Рец. на кн.: *А.В. Попов.* Грамматика калмыцкого языка // 18-е присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1849.
25. *Ковалевский О.М.* Рец. на кн.: *А.А. Бобровников.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849 // 20-е присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1851.
26. *Владимирцов Б.Я.* И.Н. Березин – монголист // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее. Т. 1. Л., 1925.
27. *Ковалевский О.М.* Введение // *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1. Казань, 1844.
28. *Шамов Г.Ф.* Профессор Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983.
29. *Дарбеева А.А.* Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М., 1996.
30. *Рамстедт Г.И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб., 1908
31. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
32. *Банзаров Д.* Разъяснение одной монгольской надписи на серебряной дощечке, найденной в Екатеринославской губернии в имении барона А. фон-Штиглиц (1848) // *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955. С. 125–139. (Статья была написана на немецком языке, опубликована в 1848 г., переведена на русский язык Г.Н. Румянцевым).
33. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.
34. *Алпатов В.М.* Николай-Николас Поппе. М., 1996.
35. *Лигети Л.* Рец. на кн.: *Г.Д. Санжеев.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: 1953 // Вопросы языкознания. 1955. № 5.
36. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 2. М., 1963.
37. *Poppe N.* Introduction to Mongolian comparative studies. 1955.
38. *Weiers M.* Untersuchungen zu einer historischen Grammatik der Præklassischen Schriefftmongolisch. Wiesbaden, 1969.
39. *Бураев И.Д., Базаров Б.В.* Поппе Николай Николаевич // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1. История. Философия, Социология. Филология. Искусство. Улан-Удэ, 2000.
40. *Томортого Д.* Нэрт монголч эрдэмтэн Николай Поппе (1897–1991) // *Томортого Д.* Монгол хэлшинжлэлийн онол, туухайн асуудалууд. Улаанбаатар, 2002.
41. *Mongyol sudlal-un nebterkyi toli. Üge kele üsüg biçig.* Хох-хот, 2004.
42. *Алпатов В.М.* Лингвистическое наследие Н. Поппе // Вопросы языкознания. 1992. № 3.
43. *Алпатов В.М.* Памяти Николаса (Николая Николаевича) Поппе // Восток. 1992. № 1.
44. *Гольман М.И.* Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества), 50-е – середина 90-х годов XX века. М., 2004.
45. *Бураев И.Д.* Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск, 1987.
46. *Биткеев П.Ц.* Языки и письменные системы монгольских народов. Элиста, 1995.
47. *Рассадин В.И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
48. *Грунтов И.А.* Рец. на кн.: *С.А. Крылов.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей). М., 2004 // Вопросы языкознания. 2006. № 1.
49. *Грунтов И.А.* Рец. на кн.: *Е.А. Кузьменков.* Фонологическая система современного монгольского языка. СПб., 2004; *J.-O. Svantesson, A. Tsendina, A. Mukhanova-Karlsson, V. Franzen.* The phonology of Mongolian. Oxford, 2005 // Вопросы языкознания. 2006. № 4.
50. *Кузьменков Е.А.* Фонологическая система современного монгольского языка. СПб., 2004.
51. *Крылов С.А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. М., 2004.
52. *Золхоев В.И.* Фонология и морфонология агглютинативных языков (особенности функционирования систем фонем). Улан-Удэ, 1980.
53. *Очирова Д.Б.* Морфонология бурятского языка. Улан-Удэ, 2008.
54. *J.-O. Svantesson, A. Tsendina, A. Mukhanova-Karlsson, V. Franzen.* The phonology of Mongolian. Oxford, 2005.
55. *Бертагаев Т.А.* К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961.

56. *Бертагаев Т.А.* Лексика современных литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). М., 1974.
57. *Будаев Ц.Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978.
58. *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 1. Тюркское влияние на монгольские языки. Элиста, 2007.
59. *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 2. Монгольское влияние на тюркские языки. Элиста, 2008.
60. An etymological dictionary of Altaic languages. Leiden, 2003.
61. *Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
62. *Трофимова С.М.* Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ, 2001.
63. *Чареков С.Л.* Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими языками. Л., 1990.
64. *Чареков С.Л.* Эволюционная морфология. Часть 1. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. СПб., 1999.
65. *Рассадин В.И.* Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2008.
66. *Бертагаев Т.А.* Синтаксис сложного предложения // Грамматика бурятского языка. Ч. 2. М., 1968.
67. *Бертагаев Т.А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.
68. *Пюрбеев Г.Ц.* Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
69. *Пюрбеев Г.Ц.* Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М., 1993.
70. Монгол хэлнуудийн харьшуулсан хэл зүй. Улаанбаатар, 1985 / Составители: Б. Базылхан, Я. Бямбасан, Ц. Баярсурэн, Х. Лувсанбалдан, Л. Болд, Г. Гантогтох, Б. Сумьябаатар, Ж. Надмид, Ж. Сэржээ.